

отразило некоторые стороны общественной жизни и быта Руси середины XVII в., некоторые реальные противоречия своей эпохи — недовольство разных социальных слоев укреплением дворянско-феодалного государства и церкви, протест против новых порядков, охвативший широкие массы и неизбежно, в силу конкретно-исторических условий времени, вылившийся в религиозную форму. Протопоп Аввакум в силу обстоятельств своей жизни находился в самой гуще этих событий, сталкивался с самыми различными группами современного ему общества — с окружением царя, с правящей церковной партией, с боярством, с сельским и городским духовенством, с мирянами-горожанами, со стрельцами, с казаками. Таким образом, не литературная традиция, а прежде всего своеобразие самого жизненного материала, реальное содержание жизни самого Аввакума как одного из предводителей социально-религиозной оппозиции, реальные формы борьбы его самого, его единомышленников подсказывали Аввакуму писателю и адекватную форму отражения этого материала — сложное, развернутое повествование с широким социальным фоном, с большим количеством действующих лиц, с главным героем в центре; повествование, в котором органически сливались картины быта и религиозные рассуждения, героическое и обыденное, трагическое и комическое. Теперь уже известно, что Аввакум, отражая значительные по историческому смыслу и размаху события, сознательно отбирал из пестрого жизненного материала самое важное, самое характерное, самое яркое, довольно четко сформулировав принцип отбора: «Стану сказывать верхи своим бедам».¹⁴ Благодаря этой сознательной установке на отбор «верхов» Аввакуму удалось в своем сравнительно небольшом произведении собрать небывалое до того в памятниках древней русской литературы количество персонажей, отразить расширившиеся до Даурии пространства Руси, сжать большую, едва ли не полувековую историческую перспективу, сгустить до предела все мысли и страсти, волновавшие его самого и его соратников по борьбе.

Жанровые особенности Жития вытекают также из особенностей идейного замысла и объективного идейного содержания этого замечательного произведения. Задуманное как произведение полемическое и поучительное («да не забвению будет предано дело божие» и да «пускай ведомо в людех правда и кривда»), как произведение, долженствующее доказать истинность старой веры, Житие в действительности, в процессе авторской работы над его редакциями, приобретало совсем иной характер, идейный смысл его перерастал задачи, первоначально поставленные Аввакумом перед самим собою как перед писателем. Увлечшись повествованием, Аввакум сознательно допускал отступления бытового и интимного содержания, понимая, что они не имеют никакого отношения к задуманной цели: «Простите меня... А однако уже розвякаю — еще вам повесть скажу». И этими предупредительными извинениями или оправданиями, следующими за отступлениями («к слову моылось»), пестрит все произведение. Многочисленные картины жизни и быта наполняли Житие таким богатым по содержанию и обильным по количеству материалом, что первоначально намеченные рамки поучительной и полемической притчи разрывались и сметались, и в результате мы имеем дело с произведением, совершенно отличным от задуманного как по содержанию, так и — объективно — по идее. Перед нами правдиво написанное большое полотно, на котором реальная картина жизни приобретает самостоятельное значение.

¹⁴ В. И. Малышев. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 392.